

УДК 94(47) 046-047-048

DOI 10.26425/1816-4277-2020-8-182-187

Яхшиян Олег Юрьевич
канд. ист. наук, ФГБОУ ВО
«Государственный университет
управления», г. Москва,
Российская Федерация
ORCID: 0000-0003-0097-5193
e-mail: yakhshiyana@mail.ru

КРЕСТЬЯНЕ И ПОМЕЩИКИ В СИСТЕМЕ КРЕПОСТНИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ ДОПЕТРОВСКОЙ РОССИИ

Аннотация. Рассмотрена эволюция владельческих прав помещиков на земли и крестьян в России XVII в. На протяжении всего столетия прослеживается тенденция к укреплению помещичьего землевладения, выражавшаяся в юридическом и фактическом слиянии вотчины и поместья, прикреплении крестьян к владельцу и введении бессрочного сыска и возврата беглых крестьян. При этом неизменным условием укрепления помещичьего землевладения оставалась обязательность пожизненной дворянской службы. Права помещиков в отношении крестьян усиливались, но их относительно легитимным основанием оставалась служба в войске. Между тем во второй половине столетия постепенно разворачивалась модернизация вооруженных сил, задвигавшая дворянскую конницу и переводившая службу на денежное жалование.

Ключевые слова: вотчина, дворяне, крепостное право, крестьяне, поместье, помещики, служилые люди, Соборное уложение 1649 г., сословие, челобитные.

Цитирование: Яхшиян О.Ю. Крестьяне и помещики в системе крепостнических отношений допетровской России // Вестник университета. 2020. № 8. С. 182–187.

Yakhshiyana Oleg
Candidate of Historical Sciences,
State University of Management,
Moscow, Russia
ORCID: 0000-0003-0097-5193
e-mail: yakhshiyana@mail.ru

PEASANTS AND LANDLORDS IN THE SYSTEM OF SERFDOM RELATIONS IN PRE-PETRINE RUSSIA

Abstract. The evolution of landowners' ownership rights to land and peasants in Russia of the XVII century has been considered. Throughout the century, there has been a tendency to strengthen local land ownership in Russia, which was expressed in the legal and actual merger of the patrimony and the estate, in the attachment of peasants to the owner and the introduction of an indefinite search and return of fugitive peasants. At the same time, the mandatory life-long service of the nobility remained an unshakeable condition for strengthening local land ownership. The rights of landlords in relation to the peasants were strengthened, but their relatively legitimate basis remained service in the army. Meanwhile, in the second half of the century, the modernization of the armed forces gradually unfolded, pushing the noble cavalry and transferring the service to a monetary salary.

Keywords: Cathedral code of 1649, estate, landowners, nobles, patrimony, peasants, petitions, serfdom, service people, stratum.

For citation: Yakhshiyana O.Yu. (2020) Peasants and landlords in the system of serfdom relations in pre-petrine Russia. *Vestnik universiteta*. I. 8, pp. 182–187. DOI: 10.26425/1816-4277-2020-8-182-187

К концу XVI в. одной из важнейших «несущих конструкций» в сословном (чиновном) строе Российского государства стало помещичье землевладение – условное владение служилых людей по отечеству (дворян и детей боярских) землями с крестьянами. Условное – поскольку оно возникало из необходимости обеспечить сословную обязанность дворян нести службу в государевом войске и сохранялось до тех пор, пока такая служба исправно исполнялась. Дворяне несли пожизненную службу на различных административных и дворцовых должностях или в массе своей в рядах иррегулярной конницы. В XVI в. сложились уездные дворянские корпорации – «служилые города», которые объединяли основную массу дворян-помещиков, так называемых чинов городских. Соответственно, дворяне получали помещичьи оклады и дачи в тех уездах, в городской список которого были внесены. Во второй половине XVI в. в центральных и северо-западных уездах был практически полностью исчерпан фонд черных земель, которые в массе своей перешли

Благодарности. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 20-09-42064.

Acknowledgements. The study was carried out with the financial support of the Russian Foundation for Basic Research in the framework of scientific project No. 20-09-42064.

© Яхшиян О.Ю., 2020. Статья доступна по лицензии Creative Commons «Attribution» («Атрибуция») 4.0. всемирная (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

The Author(s), 2020. This is an open access article under the CC BY 4.0 license (<http://creativecommons.org/licenses/by/4.0/>).

в разряд помещичьих владений. «Испомещение» дворян осуществлялось преимущественно за счет черных волостей и первоначально не воспринималось черносошными крестьянами как переход в частновладельческое состояние. Крестьяне оставались при своей земле, сохранялись община, общинное самоуправление и круговая порука, сохранялось государево тягло, только часть прежних податей в пользу государя переводилась на помещика для поддержания его в состоянии годности к военной службе. У помещика даже подразумевались известные обязательства патерналистского характера по отношению к крестьянам. Но его владельческие права в отношении земли и крестьян существенно уступали правам вотчинника. И конечно, эти права были жестко обусловлены непосредственной службой в войске. Отзвук такого изначального толкования помещичьих прав содержится в знаменитом утверждении И. Т. Посошкова: «Крестьянам помещики не вековые владельцы, того ради они не весьма их и берегут, а прямой им владетель всероссийский самодержиц, они владеют временно... царю паче помещиков надлежит крестьянство беретчи, понеже помещики владеют ими временно, а царю они всегда вековые» [6]. Тем не менее «испомещение» дворян означало для прежде черносошных крестьян прикрепление к владельцу вдобавок к состоявшемуся ранее в ходе генеральных переписей XVI в. прикреплению к земле и тяглу. Очевидно, первые десятилетия крестьянская крепость земле, исторически предшествовавшая крепости владельцу, ограничивала земельные права помещиков.

Поземельная и личная крепость крестьян ограничивалась правом выхода (перехода к другому владельцу) в течение недели до и недели после Юрьева дня осеннего при условии уплаты выходной пошлины – пожилого. Владельческие крестьяне обладали совокупностью прав и обязанностей в сфере взаимоотношений с государством, отвечали лично и своим имуществом за те или иные нарушения закона. Землевладелец отвечал за податную исправность своих крестьян перед казной.

Поскольку княжеские, боярские и церковные (монастырские) вотчины были гораздо крупнее, мощнее и устойчивее в хозяйственном отношении, имели лучшие, чем поместья, условия для развития крестьянских хозяйств, то право крестьянского выхода приводило к перетеканию крестьян из поместий в вотчины. В условиях относительной малодворности поместий это нередко подрывало их хозяйственную состоятельность и дворяне оказывались неспособны нести службу. Государство, жизненно заинтересованное в многочисленной дворянской коннице, должно было принимать меры по ограничению крестьянских переходов. Самым негативным образом сказалась и опричнина Ивана Грозного. Непосредственным результатом опричного террора стало опустошение землевладений в центральных и северо-западных уездах. В конце XVI столетия вводятся так называемые заповедные лета – временный запрет крестьянских переходов – и урочные лета – пятилетний срок розыска и возврата нарушивших запрет крестьян прежнему владельцу.

В условиях опустошительного голода 1601-1603 гг. правительство Бориса Годунова издало два указа, разрешавшие в Юрьев день выход и вывоз крестьян с уплатой пожилого. Эти указы не только внесли дезорганизацию в судопроизводство по прежним нормам по поводу ушедших и беглых крестьян, но и привели к тому, что практика незаконного выхода и вывоза получила теперь повсеместное распространение, особенно с учетом обстоятельств Смутного времени. Голод и Смута вызвали лавину крестьянских побегов, бороться с которыми ни частные владельцы, ни государство были не в состоянии. 1 февраля 1606 г. правительство Лжедмитрия I вынуждено было признать задним числом законность тех побегов крестьян в период голодных лет с нарушением действовавшего тогда законодательства, которые совершались из-за невозможности прокормиться. Правительство царя Василия Шуйского, остро нуждавшееся в поддержке служилых людей, издало 9 марта 1607 г. уложение, определявшее санкции за прием и сокрытие беглых (штраф в пользу государства и пожилое старому владельцу беглого). Уложение устанавливало 15-летний срок сыска беглых крестьян. Основную массу дворянства устраивали продолжительные сроки сыска беглых крестьян, однако крупные землевладельцы, а также дворяне южных окраин, куда шел большой поток беглых, были заинтересованы в коротких сроках сыска.

Царь Михаил Федорович в 1619 г. восстановил пятилетний срок розыска бежавших владельческих крестьян. Разыскивали и водворяли на прежнее место проживания не только бежавших, но и увезенных принудительно. Таким «увозом» промышляли дворяне, в поместьях которых не хватало рабочих рук. Случалось, что бежали (и увозили) целые деревни. В 1637 г. в ответ на коллективное челобитье дворян об отмене урочных лет правительство увеличило срок сыска беглых крестьян до 9 лет. В 1641 г. после нового коллективного дворянского челобитья срок сыска был увеличен до 10 лет. Усилилась ответственность

за насильственно вывезенных крестьян: их возврат отныне осуществлялся в течение 15 лет, а новые владельцы подлежали штрафу в размере 5 руб. в год.

Правительство явно не торопилось с отменой «урочных лет», хотя и не могло не считаться с интересами мелкопоместного дворянства. Надо было поддерживать заселение южных окраин и укрепление южных рубежей. Надо было в какой-то мере принимать во внимание и интерес крупных вотчинников в привлечении в свои владения и удержания в них крестьян.

Правительство царя Алексея Михайловича в 1646 г. предприняло всеобщую перепись тяглых людей. Писцам было дано указание записывать всех тяглых людей поименно с живущими при них нетяглыми сыновьями и родственниками на тех местах, за теми владельцами или общинами, где их заставляла перепись. В. О. Ключевский отмечает, что по итогам переписи, крепостной крестьянин закреплялся за владельцем без всякого срока, и не только лично, но и со своим потомством и даже с родней, жившей в его доме. Дети и родственники, которых писцы заставляли в его доме, становились точно так же крепостными того владельца, за которым был укреплен их отец или старший родственник, домохозяин. Удовлетворяя неоднократным ходатайствам дворянства об отмене срока сыска беглых, правительство объявило, что впредь тяглые люди с детьми и родственниками будут крепки по переписным книгам и без «урочных лет» [3, с. 364].

Соборное уложение 1649 г. ввело бессрочный сыск беглых и вывезенных крестьян. Статья 9 главы XI «Суд о крестьянах» гласила: «А которые крестьяне... за кем написаны в переписных книгах... збежали, или впредь учнут бегати: и тех беглых крестьян... з женами и з детьми и со всеми животы... отдавать из бегов тем людям, из-за кого они выбежат по переписным книгам, без урочных лет, а впредь отнюд никому чюжих крестьян не принимать и за собою не держать» [7]. Предусматривалось наказание помещику, принявшему беглых без проверки: «...кто, не проведав подлинно, примет чюжаго крестьянина, ... имати на те годы, сколько за кем жил... по десяти рублей на год, для того, не проведав подлинно, не приймай чюжаго» [7]. Основанием крестьянской крепости были определены писцовые книги 1626 г. и переписные книги 1646-1648 гг. Уложение 1649 г. превратило прикрепление крестьян к земле в потомственную крепостную зависимость от служилых чинов, которые получали наследственные права на крестьян. Государство словно забыло о первоначальном прикреплении крестьян к земле и хотело знать лишь то, за кем они по переписным книгам записаны, а не то, к какой общине (миру) и к какому земельному участку приписаны. Уложение предусматривало возможность уступки крестьянина в пользу другого владельца в качестве компенсации: если «сын боярской» убьет «не умышлением... чьего крестьянина... у того сына боярского из его поместья взять лутшего крестьянина з женою и з детьми... и отдать во крестьяны тому помещику, у которого крестьянина убили» [8].

Уложение усилило личную зависимость крепостного крестьянина от владельца, которому было предоставлено право вотчинного суда и полицейского надзора за крестьянами. В государственном суде владелец отвечал и предьявлял иски вместо своего крестьянина, кроме уголовных дел (убийство, татьба и разбой). Крестьянину полагалось возмещение за увечье и бесчестье (соответственно 2 руб. и 1 руб.). Беглых крестьян предписывалось возвращать вместе с их имуществом. Тем самым признавались их имущественные права. Признанием личных прав являлось положение, согласно которому вступившие в брак в бегах крестьяне и крестьянки подлежали возврату владельцу только семьями. Предусматривалось право землевладельца распоряжаться имуществом крепостного крестьянина. В случае, если владелец крестьян оказывался несостоятельным по своим долговым обязательствам, для возмещения его долга взималось имущество зависимых от него крестьян и холопов. Владелец отвечал перед государством за недоимки своих крестьян. Заключение браков, семейные разделы крестьян, передача по наследству крестьянского имущества могли происходить только с согласия землевладельца.

Г. К. Котошихин в своих записках «О России в царствование Алексея Михайловича» рассказывает, что служилые чины (землевладельцы), «...помещики и вотчинники, ведают и судят своих крестьян во всяких их крестьянских делах, кроме розбойных же и иных воровских дел. А подати царские с крестьян своих велят собирать старостам и людям своим, и отдавать в царскую казну, по указу царскому; а свои подати кладут на крестьян своих сами, сколько с кого что взяти» [5]. О государственном ограничении владельческой власти над крестьянами свидетельствует следующее его сообщение: «А как тем бояром и иным вышеописанным чином даются поместья и вотчины: и им пишут в жаловальных грамотах, что им крестьян своих от сторонних людей от всяких обид и налог остерегати и стояти, а подати с них имати по силе, с кого что мочно взяти, а не через силу, чтоб тем мужиков своих ис поместей и из вотчин не розогнать и в нищие не привести,

и насилством у них скота и животины никакой и хлеба всякого и животов не имати, и ис поместных деревень в вотчинные деревни на житье не переводити, чтоб одно место опустошить, а другое обогатить. А будет которой помещик и вотчинник, не хотя за собою крестьян своих держати, и хочет вотчинных крестьян продати, и наперед учнет с них имати поборы великие, не против силы, чем бы привести к нуже и к бедности, а себя станет напалнивать для покупки иных вотчин: и будет на такого помещика и вотчинника будет челобитье, что он над ними так чинил, и сторонние люди про то ведают и скажут по сыску правду, и у таких помещиков и вотчинников поместья их и вотчины, которые даны будут от царя, возмут назад на царя, а что он с кого имал каких поборов через силу и грабежем и то на нем велят взять и отдать тем крестьяном; а впредь тому человеку кто так учинит, поместья и вотчины не будут даны до веку» [5]. Крепостной крестьянин не мог быть обезземлен по воле владельца и превращён в дворового слугу; он имел возможность приносить жалобу в суд на несправедливые поборы; закон даже грозил наказанием помещику, от побоев которого мог умереть крестьянин, а семья жертвы получала компенсацию из имущества обидчика. Владельцы крестьян обязаны были наделять их землей и инвентарем. Было запрещено лишать крестьян земли путем превращения их в холопов или отпуска на свободу, нельзя было насильно отбирать имущество у крестьян. Сохранялось право крестьян жаловаться на господ в форме челобитий. Уложение 1649 г. предусматривало строгие наказания за обращение с челобитными к государю «не делом», «по посулом», «ложно».

В издании «Крестьянские челобитные XVII в.: Из собрания Государственного Исторического музея» приведены челобитные частновладельческих крестьян, адресованные и своим владельцам, и царю. В ряде случаев такие челобитные выявляют любопытные конкретные обстоятельства в отношении практики владельческих прав помещиков и крестьян на землю. Так, например, в 1677 г. крестьяне стольника В. С. Змеева села Кузнецова Шуйского уезда бьют челом царю Федору Алексеевичу о захвате их пустоши Сурьяниново крестьянами помещиков Кашинцевых [4, с. 21]. Крестьяне одного помещика обращаются к царю по поводу захвата пустоши, которую они считают своей, крестьянами другого помещика. Помещичьи крестьяне обращаются к царю с имущественным иском, предметом которого выступает конкретный участок земли (пустошь), на который они заявляют свои права. Что касается стольника (помещика), то к «сей челобитной» «иво человек» «по иво веленью руку приложил» [4, с. 21]. О помещичьем праве на землю в данном случае нет и речи. Между собой заводят тяжбу по поводу земельного участка, на котором «пашут же и лес всякой бревенной и дровяной рубят же» [4, с. 21], не помещики-землевладельцы, а их крестьяне. Спустя несколько лет, в 1681 г. крестьяне дьяка И. С. Микулина (дьяки, как известно, также получали поместья за службу) деревни Банева Шуйского уезда бьют челом царю Федору Алексеевичу о захвате их пустоши Ямкино крестьянами деревни Захаровки стольника В.С. Змеева [4, с. 22-23]. Теперь жалуются уже на крестьян стольника Змеева, но опять показательно, что выясняют отношения не землевладельцы, а частновладельческие крестьяне, заявляющие о своих правах – не правах своего помещика – на пахотную землю («пашут тое пустошь они насилством своим третей год, а нам, сиротам, пахать и владеть не дадут») [4, с. 23].

Во второй половине XVII в. государство последовательно продолжало «закручивать гайки» в части усиления владельческих прав помещика в отношении земли и крестьян. Это очевидно отвечало сословным интересам поместного дворянства. Государственным интересам это отвечало постольку, поскольку поместная дворянская конница оставалась незаменимой частью войска. Расширилась практика прямых обменов крепостных крестьян и продаж крестьянских семей. Началась фактическая, а в последние десятилетия XVII в. и юридически санкционированная (указами 1675 г., 1682 г. и 1688 г.) продажа крестьян без земли. Вырабатывалась средняя цена крестьянина, не зависящая от цены земли. С 1660-х гг. практиковалась купля-продажа крестьян без земли по купчей грамоте. С 1675 г. началась правительственная регистрация купчих на крестьян без земли, хотя такая продажа оставалась сравнительно редким явлением [1, с. 154]. В конце XVII в. за помещиками было признано право брать крестьянских детей в дворовые. В результате податной реформы 1679-1681 гг., с переходом к подворному обложению и включением в оклад бобылей и холопов произошло ощутимое усиление административно-фискальной зависимости крепостных крестьян от своих помещиков. Соответственно, свои права в отношении личности крестьянина помещики все более воспринимали в частнособственническом, «холопьем» формате.

Нарастанию частнособственнического, вотчинного отношения (с характерным для него не столь жестким увязыванием владельческих прав со службой) к поместьям способствовало постепенное стирание различий между двумя основными формами феодальной земельной собственности. Хотя поместья не передавались

по наследству, его мог получить сын помещика, если заступал на службу. В 1620-1640-х гг. рядом указов поместье сблизилось с вотчиной: помещик получил право официально закреплять поместье за малолетними сыновьями, покупать с разрешения царя, оформленного указом, свое поместье в вотчину. Соборное уложение 1649 г. разрешило производить обмен поместий на вотчины: «А которые помещики и вотчинники... учнут межь себя меняти вотчинные земли на поместные земли, или поместные земли на вотчинные земли,... по их челобитью те их земли росписати, поместную землю в вотчину, а вотчинную землю в поместье» [9]. Подобные сделки считались действительными при следующих условиях: стороны, заключая между собой меновую запись, обязывались эту запись представить в Поместный приказ с челобитной на имя царя. Если помещик покинул службу по старости или болезни, его жена и малолетние дети могли получить часть поместья на «прожиток». Получая «приватизация» (в феодальном понимании, конечно) поместий ни в коей мере не сопровождалась освобождением от обязательной пожизненной службы в войске. Железобетонная установка сословно-чиновного обычного правосознания допетровской России – неразрывная связь между службой царю и феодальным землевладением, одно без другого не бывает, кто владеет землей, тот должен служить.

К концу XVII в. государство обеспечило дворянам максимум владельческих прав в отношении прикрепленных к ним крестьян и поместной земли. Но непременным условием этого максимума крепостничества оставалась обязательность пожизненной службы дворян. Никаких компромиссов в этом отношении до начала XVIII в. не просматривается. И на излете XVII столетия, как и на старте генезиса поместного землевладения, владельческие права дворян на землю и крестьян имели своим легитимным основанием обязательную службу в государевом войске. Максимум крепостничества в допетровской России, правда, преимущественно в обычно-правовом формате, предполагал ограничение помещичьего произвола требованиями не допускать разорения, обид и бесчестья владельческих крестьян.

Поместное дворянство все увереннее чувствовало себя в качестве основной социальной опоры самодержавия. Поместное войско, основу которого составляли дворяне и дети боярские, в допетровский период оставалось базовой и важнейшей составляющей русской конницы. Но именно в эти десятилетия осуществлялось последовательное формирование так называемых полков иноземного (нового) строя, к которым относились солдаты в пехоте, рейтары, драгуны и гусары – в кавалерии. Объективно сугубо военное значение традиционной поместной дворянской конницы постепенно снижалось, как постепенно уменьшался и ее удельный вес в структуре модернизируемых вооруженных сил государства. В последние десятилетия XVII в. все более очевидными и нетерпимыми становились такие недостатки поместной конницы, как: сбор поместной рати, как и всякого ополчения, только в случае военной опасности; медлительность сбора и возможность подготовиться к военным действиям лишь в течение нескольких месяцев; «нетство» и бегство дворян из полков. Кроме того, как отмечает Г. В. Талина, во второй половине XVII в. в области снабжения дворянская конница фактически перестала быть поместной: основную роль в ее обеспечении теперь играло государево денежное жалование [10, с. 319]. Таким образом, к концу XVII в. все более явственно размывались традиционные натурально-экономические и сословные основания крепостного права в части, касающейся владельческих прав помещиков на земли и крестьян. Получалось, что резкое усиление владельческих прав совпало по времени с размыванием оснований их легитимности.

Отдельные представители допетровской политической элиты, похоже, так или иначе осознавали это обстоятельство. Князь В. В. Голицын вынашивал планы по освобождению крестьян и переводу обязательной и наследственной службы дворян на получаемое из казны денежное жалование [2]. Но государство не могло отказаться от такого проверенного временем механизма изъятия минимального совокупного прибавочного продукта как крепостное право. Да и сословный эгоизм дворянства все более становился фактором, определявшим политику самодержавия. Свое «второе дыхание» российское крепостничество обретет уже в XVIII столетии, когда традиционное служилое обоснование собственности на «дворянские гнезда» будет окончательно предано забвению государством к вящей радости «благородного сословия». Однако в социальной памяти русского крестьянства, похоже, из поколения в поколение будут воспроизводиться объяснительные схемы допетровского этапа истории поместного землевладения.

Библиографический список

1. Копанев, А. И., Носов, Е. Н., Свердлов, М. Б. и др. История крестьянства Северо-Запада России: период феодализма / отв. ред. А. И. Копанев. – СПб.: Наука, 1994. – 332 с.

2. Ключевский, В. О. Исторические портреты. Князь В.В. Голицын. – М.: Эксмо, 2008 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://www.litmir.me/br/?b=113783&p=124> (дата обращения: 01.06.2020)
3. Ключевский, В. О. История сословий в России // Сочинения: В 9 т. Т. VI. Специальные курсы / под. Ред. В.Л. Янина. – М.: Мысль, 1989. – 476 с.
4. Крестьянские челобитные XVII в.: Из собраний Государственного Исторического музея. – М.: Наука, 1994. – 332 с.
5. О России в царствование Алексея Михайловича. Сочинение Григория Котошихина [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/kotoshih.htm#1103> (дата обращения: 01.06.2020)
6. Посошков Иван. Книга о скудости и богатстве [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://bookscafe.net/read/pososhkov_ivan-kniga_o_skudosti_i_bogatstve-167318.html#p49,50 (дата обращения: 01.06.2020)
7. Соборное уложение 1649 г. Глава XI. Суд о крестьянх а в ней 34 статьи [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/1649/11.htm> (дата обращения: 01.06.2020)
8. Соборное уложение 1649 г. Глава XXI О розбойных и о татиных делех а в ней 104 статьи [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/1649/21.htm> (дата обращения: 01.06.2020)
9. Соборное уложение 1649 г. Глава XVI О поместных землях а в ней 69 статей [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/1649/16.htm> (дата обращения: 01.06.2020)
10. Талина, Г. В. Выбор пути: Русское самодержавие второй половины XVII – первой четверти XVIII века. – М.: Русский Мир, 2010. – 448 с.

References

1. Kopanev A. I., Nosov E. N., Sverdlov M. B. et al. Istoriya krest'yanstva Severo-Zapada Rossii. Period feodalizma [*History of the peasantry of the North-West of Russia. The period of feudalism*]. St. Petersburg, Nauka, 1994. 332 p.
2. Klyuchevskii V. O. Istoricheskie portrety. Knyaz' V.V. Golitsyn [*Historical portrait. Duke V. V. Golitsyn*]. Available at: <https://www.litmir.me/br/?b=113783&p=124> (accessed 01.06.2020).
3. Klyuchevskii V.O. Istoriya soslovii v Rossii [*History of estates in Russia*]. Sochineniya, V 9 t. T. VI. Spetsial'nye kursy [*Essays, in 9 volumes. Volume VI. Special courses*], pod. Red. V. L. Yanina. Moscow, Mysl', 1989. 476 p.
4. Krest'yanskie chelobitnye XVII v.: Iz sobranii Gosudarstvennogo Istoricheskogo muzeya [*Peasant petitions of the XVII century: From the collections of the State Historical Museum*]. Moscow, Nauka, 1994. 332 p.
5. O Rossii v tsarstvovanie Alekseya Mikhailovicha. Sochinenie Grigoriya Kotoshikhina [*On Russia in the reign of Alexei Mikhailovich. Essay by Grigory Kotoshikhin*]. Available at: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/kotoshih.htm#1103> (accessed 01.08.2020).
6. Pososhkov Ivan. Kniga o skudosti i bogatstve [*A book about poverty and wealth*]. Available at: https://bookscafe.net/read/pososhkov_ivan-kniga_o_skudosti_i_bogatstve-167318.html#p49,50 (accessed 01.06.2020).
7. Sobornoe ulozhenie 1649 g. Glava XI. Sud o krest'yanekh a v nei 34 stat'i [*Cathedral code of 1649. Chapter XI. The court of the peasantry and in it 34 articles*]. Available at: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/1649/11.htm> (accessed 01.06.2020).
8. Sobornoe ulozhenie 1649 g. Glava XXI O rozboinykh i o tatinykh delekh a v nei 104 stat'i [*Cathedral code of 1649. Chapter XXI on robberies and affairs of thieves and in it 104 articles*]. Available at: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/1649/21.htm> (accessed 01.08.2020).
9. Sobornoe ulozhenie 1649 g. Glava XVI O pomestnykh zemlyakh a v nei 69 statei [*Cathedral code of 1649. Chapter XVI on local lands and 69 articles in it*]. Available at: <http://www.hist.msu.ru/ER/Etext/1649/16.htm> (accessed 01.06.2020).
10. Talina G.V. Vybor puti: Russkoe samoderzhavie vtoroi poloviny XVII – pervoi chetverti XVIII veka [*Choosing the path: Russian autocracy of the second half of the XVII – first quarter of the XVIII century*]. Moscow, Russkii Mir, 2010. 448 p.